

УДК [355.02+327](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80

Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада *

© ЗАГОРСКИЙ Андрей Владимирович, кандидат исторических наук

E-mail: zagorskiandrei@gmail.com

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия

Аннотация. В 2015–2017 гг. в большинстве арктических стран проводился плановый обзор оборонной политики. По времени он совпал с украинским кризисом, обострением отношений между Россией и Западом и активной фазой реализации масштабной программы военного строительства в российской Арктике. Анализ принятых в этот период решений позволяет судить о том, в какой степени конфронтация между Россией и Западом повлияла на военно-политическую обстановку в регионе и как может сказаться на ней в обозримом будущем. С этой целью принятые в последние годы документы стратегического военно-политического планирования арктических стран сопоставляются с их более ранними планами военного строительства в Арктике. Проведённый анализ позволяет с высокой степенью определённости сделать вывод о том, что в краткосрочной перспективе военно-политическая обстановка в регионе останется стабильной и предсказуемой. На данном этапе арктические страны не стали пересматривать свои прежние спокойные оценки военных угроз и скромные программы военного строительства в регионе. Основное внимание арктических стран-членов НАТО сосредоточено сегодня не столько на Арктике, сколько на развитии военно-политической обстановки на Балтике и в Северной Атлантике. Однако чем дольше затягивается современный кризис в отношениях России и Запада, тем больше вероятность того, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе военно-политическая обстановка в Арктике может измениться в худшую сторону.

Ключевые слова: Арктика, Россия, арктические страны, безопасность, военно-политическая обстановка, военное строительство.

The Arctic defense postures in the context of the Russia-West confrontation

© Andrei V. ZAGORSKI, Cand. Sci. (Hist.)

E-mail: zagorskiandrei@gmail.com

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. In 2015–2017, in most Arctic countries, a planned review of defense policy was carried out. It coincided with the Ukrainian crisis, the aggravation of relations between Russia and the West and the active phase of the implementation of a large-scale program of military construction in the Russian Arctic. An analysis of the decisions made during this period allows us to judge to what extent the confrontation between Russia and the West has affected the military and political situation in the region and how it can affect it in the foreseeable future. For this purpose, the documents of the strategic military-political planning of the Arctic countries adopted in recent years are compared with their earlier plans for military construction in the Arctic. The analysis allows to conclude with a high degree of certainty that in the short term the military and political situation in the region will remain stable and predictable. The Arctic countries have not reconsidered their previous calm assessments of military threats and modest military development programs in the region. The main attention of the Arctic states-members of NATO is concentrated on the Arctic not that much as it is for the development of the military-political situation in the Baltic and in the

* Для цитирования:

Загорский А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 80–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80

For citation:

Zagorski A.V. The Arctic defense postures in the context of the Russia-West confrontation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 80–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80

North Atlantic. However, the longer the current crisis in the relations between Russia and the West goes on, the more likely that in the medium and long-term perspective, the military and political situation in the Arctic will change for the worse.

Keywords: *Arctic, Russia, Arctic states, security, military-political landscape, defense posture.*

Введение

В 2015–2017 гг. в большинстве арктических стран проводился обзор оборонной политики и политики в области безопасности, в ходе которого обсуждались в том числе вопросы военного строительства в Арктике. Обзор проводился как в плановом порядке (в Канаде — в связи со сменой правительства после выборов 2015 г., в Дании — в связи с истечением в 2017 г. срока межпартийного соглашения по вопросам оборонной политики), так и в связи с изменениями в военно-политической обстановке (Норвегия). В США обнародованные в 2013 и 2014 гг. арктические стратегии министерства обороны и военно-морских сил (ВМС) пока не пересматривались. В декабре 2016 г. министерство обороны представило Конгрессу доклад с оценкой потребностей в обеспечении интересов национальной безопасности в Арктике, однако какие-либо решения о корректировке политики страны в регионе будет принимать уже нынешняя администрация США.

По времени обзор оборонной политики арктических стран совпал с обострением отношений между Россией и Западом на фоне украинского кризиса и начавшейся на Западе дискуссией об угрозе милитаризации Арктики [1, Regehr E., p. 1], новая фаза которой развернулась на фоне реализации российской программы военного строительства, по словам министра обороны С. Шойгу, самой масштабной в регионе¹. Анализ результатов последнего цикла обзора оборонной политики арктических стран позволяет сделать выводы относительно того, в какой мере современное обострение отношений России с Западом повлияло на военно-политическую обстановку в регионе и как может сказаться на ней в обозримом будущем.

С этой целью в статье сначала рассматривается общий политический контекст, на фоне которого проходил обзор оборонной политики арктических стран, а также его изменение под влиянием современного кризиса. Затем последовательно анализируются принятые в 2015–2017 гг. документы стратегического планирования прибрежных в отношении Северного Ледовитого океана (СЛО) стран-членов НАТО (Канада, Дания, Норвегия, США). Принятые в этот период решения сопоставляются с более ранними планами военного строительства прибрежных стран в регионе. В заключении обобщаются результаты проведённого анализа, делаются выводы относительно влияния кризиса в отношениях России и Запада на военно-политическую обстановку в Арктике в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

В статье рассматриваются только планы нестратегического (конвенционального) военного строительства в Арктике. Осуществляемая в регионе военно-стратегическая деятель-

¹ Шойгу сообщил о самом масштабном военном строительстве в Арктике среди стран мира // Интерфакс, 26 февраля 2018 г. URL: <http://www.interfax.ru/russia/601479> (дата обращения: 01.03.2018).

ность России и США является частью более широкого уравнения стратегической стабильности и взаимного ядерного сдерживания. Размещённые ими в Арктике стратегические системы не имеют отношения к гипотетическим сценариям ограниченного вооружённого конфликта в регионе. Они охвачены действующим российско-американским договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений или учтены в нём и являются предметом самостоятельного анализа [2, Арбатов А.Г., Дворкин В.З.; 3, Арбатов А.Г., Дворкин В.З.; 4, Загорский А.В., с. 9; 5, Depledge D., pp. 61–62].

Политический контекст

В конце прошлого десятилетия большинство прибрежных стран утвердили программы модернизации своих нестратегических сил. В Канаде, Дании и Норвегии арктическому направлению было уделено особое внимание. Их планы военного строительства исходили не из возможности межгосударственного конфликта в регионе, а из необходимости решения невоенных задач в области безопасности, таких как охрана границ, обеспечение безопасности судоходства, оперативное реагирование на чрезвычайные ситуации, проведение поисково-спасательных операций и др. [6, Le Mièrè Ch., Mazo J., pp. 94, 110–116; 7, Byers M., pp. 269–279].

С учётом прогнозов активизации экономической деятельности в морской Арктике в прибрежных странах сформировалось понимание того, что насыщение региона соответствующими силами и средствами в обозримой перспективе будет возрастать. Хотя решением большинства перечисленных выше задач призваны заниматься прежде всего невоенные структуры — береговая охрана (БОХР), правоохранительные органы, — на вооружённые силы здесь также возлагаются функции по реагированию на невоенные риски: мониторинг воздушной и надводной обстановки, авиационный и морской поиск и спасание, обеспечение безопасности судоходства, оказание содействия гражданским властям в ликвидации последствий разливов нефти и иных чрезвычайных ситуаций и др.

Оценивая свои потребности в морской Арктике (основным критерием для таких оценок стали прогнозы интенсификации судоходства²), прибрежные страны сделали выбор в пользу различного сочетания военных и невоенных сил и средств. Так, в Дании, у которой нет БОХР³, решение соответствующих задач в Арктике возложено на вооружённые силы (ВС). В Канаде выбор был сделан в пользу расширения присутствия военно-морских сил (ВМС) в

² Rapport: Forsvarsministeriets fremtidige opgaveløsning i Arktis. København: Forsvarsministeriet, 2016, p. 15; The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 2030. Washington: Chief of Naval Operations, 2014, pp. 12–13, 16, 18.

³ Задачи, которые в других странах выполняет БОХР, в Дании распределены между различными ведомствами. Так, предотвращение загрязнения морской среды с судов и обеспечение безопасности судоходства в исключительной экономической зоне страны отнесены к ведению Морской администрации Дании. Морское подразделение комплектуемого добровольцами «ополчения» решает задачи морского патрулирования, поиска и спасания исключительно в пределах территориального моря страны. По соглашениям с Фарерскими островами и Гренландией задачи БОХР в их водах решают ВС Дании. По этой причине в Арктическом форуме БОХР страну представляет ее арктическое командование.

арктических водах. В США, наоборот, обеспечение присутствия в Арктике было возложено на БОХР.

Планы прибрежных стран по строительству арктических сил были скромными. И дело не только в том, что здесь нет серьёзных поводов для вооружённого конфликта [8, Дынкин А.А., с. 407–408]. Суровые природно-климатические условия, удалённость региона, большие расстояния существенно затрудняют и удорожают конвенциональную военную деятельность, строительство и поддержание береговой инфраструктуры, обеспечение оперативной устойчивости сил армии и флота [9, Храмчихин А.А., с. 327; 10, Bowes M.D., pp. 30–39; 11, Christensen K.D.]. Эти условия, по оценкам военных ведомств, в обозримой перспективе вряд ли станут более благоприятными⁴.

Всё это, как и другие обстоятельства, предопределяет низкую оперативную ёмкость региона и его периферийный характер для конвенциональной военной деятельности прибрежных стран. По этой причине даже скромные программы строительства вооружённых сил в Арктике зачастую проигрывают конкуренцию другим, более приоритетным, но не арктическим направлениям военного строительства. Эти программы недофинансировались, а их реализация не раз откладывалась. Утверждая планы военного строительства, в прибрежных странах отдавали себе отчёт в том, что одностороннее размещение в регионе даже незначительных военных сил может спровоцировать гонку вооружений. По этой причине большинство стран отказалось от инвестирования значительных средств в военную инфраструктуру, а основной акцент был сделан на развитии двустороннего и регионального сотрудничества.

Ввиду особых обстоятельств, в частности, ограниченности возможностей для свободного выхода в Мировой океан, базирования на Кольском полуострове морских стратегических ядерных сил сдерживания и прикрывающих их сил Северного флота, Россия — единственная страна, имеющая в Арктике постоянно размещённые существенные боевые силы. У Дании, Канады, Норвегии и США есть более благоприятные возможности для выхода в Мировой океан и, соответственно, нет необходимости базировать свой флот на севере. Этим во многом объясняются несопоставимые масштабы военной деятельности России и других стран в Арктике, объективное превосходство размещённых здесь на постоянной основе нестратегических сил России [4, Загорский А.В., с. 29; 12, Храмчихин А.А., с. 98].

До украинского кризиса это превосходство и российское военное строительство в регионе воспринимались как вполне объяснимые меры, призванные обеспечить охрану протяжённой береговой линии, освещение воздушной, надводной и подводной обстановки, оперативную устойчивость стратегических сил сдерживания, реагирование на природные и техногенные катастрофы. В арктических странах высказывались и другие точки зрения, но

⁴ Rapport: Forsvarsministeriets fremtidige opgaveløsning i Arktis, p. 15; Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region. Washington, D.C.: Department of Defense, 2016, p. 12; The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 2030, pp. 11–13.

общественно-политической резонанс они вызывали в редких случаях, таких как установка российского флага на дне СЛО в районе Северного полюса в 2007 г. или доклад геологической службы США о неразведанных запасах углеводородов на арктическом шельфе в 2008 г. До начала украинского кризиса отечественные и зарубежные исследования независимо друг от друга свидетельствовали об отсутствии признаков гонки вооружений в Арктике [13, Загорский А.В., с. 106–108]; 14, Ознобищев С.К.; 15, Haftendorn H.; 16, Melvin N., Bergh K., p. 1; 6, Le Mière Ch., Mazo J., p. 94; 17, Wezeman S.T.].

Об установлении баланса военных сил России и стран Запада в Арктике речь не шла. Более того, российские нестратегические силы и средства, превосходящие соответствующий потенциал остальных прибрежных стран вместе взятых, воспринимались как потенциальный вклад в решение общих задач обеспечения безопасности в Арктике, что придавало России соответствующий её вкладу вес в региональном сотрудничестве. На фоне украинского кризиса отношение к российским военным программам изменилось. За Россией закрепился имидж государства, политика которого труднопредсказуема, готового ради достижения стратегических целей пренебречь возможными политическими и экономическими издержками односторонних, в том числе силовых действий [18, Загорский А.В., с. 45; 19, Kärylä J., Mikkola H., pp. 12–13].

Это изменение общего политического контекста, с которым совпал обзор оборонной политики прибрежных стран, придало данному процессу особую интригу. Хотя в результате обзора оценки российского военного строительства в Арктике принципиально не изменились: оно по-прежнему оценивается прибрежными странами как не угрожающее в краткосрочной перспективе⁵, тональность принятых в последние годы документов арктических стран отражает их усиливающуюся озабоченность перспективами развития обстановки в регионе, а анализ программ российского военного строительства всё больше смещается с оценки намерений в сторону оценки фактических возможностей России.

Канада

Сформировавшиеся в Канаде в 2006–2008 гг. планы военного строительства в Арктике многими были восприняты как программа радикальной модернизации вооружённых сил и военной инфраструктуры страны в регионе [20, Конышев В.Н., Сергунин А.А., с. 288]. Возможно, это объясняется риторикой консервативного правительства С. Харпера, которая предшествовала и сопровождала принятие соответствующих решений [21, Lackenbauer P.W., Dean R., pp. 8–36]. На деле эта программа была более чем скромной на фоне как более широких задач ВС страны, так и программы невоенной деятельности в Арктике (устойчивое развитие северных территорий, адаптация к последствиям изменения климата, научные ис-

⁵ Intelligence Risk Assessment 2017. An assessment of developments abroad impacting on Danish security. Copenhagen: Danish Defence Intelligence Service, 2017, pp. 43–44; Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. Oslo: Norwegian Ministries, 2017, p. 18; Report on Arctic Policy. US Department of State International Security Advisory Board. 21 September 2016, pp. 24–25.

следования, гидрография и картография, безопасность судоходства и предотвращение загрязнения морской среды и другие).

Канадская программа предусматривала строительство для ВМС страны 6–8 сторожевых фрегатов с ледовыми усилениями⁶, строительство глубоководного порта материально-технического обеспечения кораблей ВМС, создание на севере учебного центра армии и увеличение численности канадских рейнджеров — местных добровольцев, патрулирующих малообжитые сухопутные территории канадского Севера [22, Dean R., Lackenbauer P.W., Lajeunesse A., pp. 46–47; 17, Wezeman S.T., p. 5]. Больше всего споров в стране вызвало решение о строительстве сторожевых фрегатов. Следствием его принятия стало сокращение принятых ранее планов замены стареющих ледоколов БОХР с трёх до одного, тогда как использование сторожевых кораблей, способных осуществлять патрулирование в арктических водах не более трёх месяцев в году, считается менее эффективным, чем использование ледоколов БОХР, которые проводят здесь до девяти месяцев [4, Загорский А.В., с. 87].

Ещё при правительстве Харпера реализация намеченных планов отставала от графика и испытывала хроническое недофинансирование. Программа закупки военной техники была реализована в незначительном объёме. Сами планы пересматривались в сторону сокращения. Так, в целях бюджетной экономии количество сторожевых фрегатов для Арктики было сокращено до пяти–шести. Первый фрегат был заложен в 2016 г., хотя должен был поступить в боевой состав ВМФ годом ранее. Сроки завершения реализации программы сдвинулись на 2018–2022 гг. Пересмотрены планы строительства на севере глубоководного порта. Теперь речь идёт не о центре материально-технического обеспечения кораблей ВМС, а о пункте заправки топливом, который будет доступен только в сезон навигации. Завершение его строительства перенесено с 2015 на 2018 г. Откладывается строительство нового ледокола для БОХР Канады. Его разработка была приостановлена в 2013 г., а соответствующие средства были направлены на строительство «неарктических» судов обеспечения для ВМС страны. Судя по последним сообщениям, новый ледокол БОХР Канады появится не раньше 2022–2023 гг. [23, Forget P., p. 20; 1, Regehr E., pp. 6, 27–28; 24, Wezeman S.T., p. 3, 7].

Пришедшее к власти в конце 2015 г. либеральное правительство во главе с Дж. Трюдо в 2016 г. начало обзор оборонной политики Канады, в ходе которого был поставлен вопрос об определении оптимальных масштабов и форм присутствия ВС страны на Севере с учётом суровых природно-климатических условий и высокой стоимости военного строительства⁷. Результаты обзора были обнародованы в 2017 г. В итоговом документе были подтверждены сокращённые предыдущим правительством планы строительства арктических сил. Акцент же был сделан на модернизации систем предупреждения о воздушном нападении, мониторинге воздушной и надводной обстановки во взаимодействии с США, Данией и Норвегией,

⁶ Корабли ВМС Канады не имеют ледовых усилений, и возможности их применения в арктических широтах крайне ограничены.

⁷ Defence Policy Review. Public Consultation Document 2016. [Ottawa]: National Defence — Canadian Armed Forces, 2016, p. 10.

модернизации сети радаров Командования воздушно-космической обороны Северной Америки (НОРАД) [25, Regehr E.] и расширении зоны ответственности системы противовоздушной обороны страны⁸.

Нынешнее правительство Канады приняло решение о закупке в следующем десятилетии пятнадцати сторожевых кораблей для ВМС страны. Однако они не предназначены для использования в Арктике. Как и весь канадский флот, они будут базироваться на юге страны, не имея ледовых усилений.

Прежнее правительство страны утвердило также программу замены старых истребителей F-18 (с сокращением их общего количества). Первоначальный выбор в пользу истребителя пятого поколения F-35 был поставлен под вопрос ещё до формирования нового кабинета, который окончательно отказался от данного варианта и склоняется в пользу более «бюджетного» F-18/E. Дальность истребителей, базирующихся на юге страны, позволяет им эпизодически патрулировать воздушное пространство севера Канады при условии дозаправки в воздухе. Их главная задача — перехват российских стратегических бомбардировщиков, обновивших свои полёты в Арктике в последние десять лет. В целях же настоящего исследования важно констатировать, что и в этом вопросе по итогам последнего обзора оборонной политики Канады не принимались (и не обсуждались) решения, выходящие за рамки давно намеченной плановой модернизации парка многоцелевых истребителей.

Хотя в документах обзора оборонной политики Канады появились тезисы о возрождении соперничества великих держав и возвращении к политике сдерживания, соответствующие пассажи не относятся к арктическому региону. Основную озабоченность у нового правительства вызывает необходимость защиты морских коммуникаций НАТО Северной Атлантике⁹. Это делает арктический регион ещё более периферийным для Оттавы с военной точки зрения. Несмотря на то, что в общественно-политической дискуссии и, в частности, в Сенате, всё более остро ставится вопрос о необходимости отреагировать на российское военное строительство в Арктике, в новой военной доктрине Канады задачи ВС в регионе сформулированы не в контексте гипотетических военных угроз, а в плане необходимости оказания содействия гражданским властям в реагировании на невоенные риски в области безопасности [26, Regehr].

Дания

Арктическое направление военной деятельности Дании вряд ли заслуживает того внимания, которое ему уделяли средства массовой информации некоторое время назад. Межпартийным соглашением по вопросам обороны Дании на 2010–2014 гг. было предусмотрено объединение командований для Гренландии и Фарерских островов в общую ко-

⁸ Strong, secure, engaged. Canada's defence policy. Ottawa: National Defence, 2017, pp. 79–80; 90, 102–113.

⁹ Там же, pp. 50; 79–80.

мандную структуру¹⁰. В результате в 2012 г. в Нууке (Гренландия) было создано компактное объединённое арктическое командование, в задачи которого входит координация деятельности вооружённых сил страны в зоне его ответственности. В случае необходимости ему могут быть приданы силы и средства из состава вооружённых сил Дании. В самой же Гренландии нет размещённых на постоянной основе существенных военных сил, если не считать многочисленный «санный патруль» и отряд аквалангистов.

Арктическая деятельность ВС Дании ограничивается патрулированием вод и воздушного пространства Гренландии и Фарерских островов. В их задачи входят мониторинг обстановки, авиационный и морской поиск и спасание, ликвидация последствий загрязнения морской среды, рыбоохранная деятельность, содействие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Патрулирование вод Гренландии и Фарерских островов на основе ротации осуществляют по одному сторожевому фрегату класса «Тетис» постройки конца 1980 — начала 1990-х гг. Модернизация же арктических сил страны по существу свелась к замене построенных для Гренландии в 1970-е гг. трёх сторожевых кораблей класса «Агдлек» новыми кораблями класса «Кнуд Расмуссен»¹¹ [24, Wezeman S.T., p. 9] и семи вертолётов морской авиации «Линкс» девятью вертолётами «Сихок»¹². Воздушное патрулирование в морской зоне Дании, включая Балтику, осуществляется тремя самолётами морской авиации CL-604 «Челенджер» [17, Wezeman S.T., p. 6].

В межпартийном соглашении по вопросам обороны на 2010–2014 гг. предусматривалось также формирование разнородных арктических сил реагирования¹³. Но имелось в виду не формирование новых подразделений и их размещение на севере, а подготовка военнослужащих регулярных подразделений для возможного применения в Арктике в случае необходимости увеличения сил и средств объединённого арктического командования [24, Wezeman S.T., p. 8].

Межпартийным соглашением на 2013–2017 гг. предусматривалось проведение к 2017 г. анализа перспективных задач и потребностей ВС страны в Арктике. Соответствующий доклад министерства обороны был представлен в июне 2016 г. уже в условиях обострения отношений между Россией и Западом. Основной вывод, сделанный в докладе исходя из прогнозов развития судоходства в водах Гренландии и Фарерских островов, сводился к тому, что существующие силы и средства, а также меры по их модернизации, намеченные в 2012 г., достаточны для решения задач ВС в Арктике в предстоящий период¹⁴.

В докладе предлагалось незначительное увеличение расходов на усиление мониторинга оперативной обстановки из космоса и с воздуха, на развитие систем связи и управле-

¹⁰ Danish Defence Agreement 2010–2014. Copenhagen: [Danish Ministry of Defence], 2009. p. 12.

¹¹ По своим характеристикам эти корабли сопоставимы с созданным специально для использования в Арктике новым российским пограничным сторожевым кораблем «Полярная звезда».

¹² Rapport: Forsvarsministeriets fremtidige opgaveløsning i Arktis, p. 15.

¹³ Danish Defence Agreement 2010–2014, p. 12.

¹⁴ Rapport: Forsvarsministeriets fremtidige opgaveløsning i Arktis, p. 15.

ния силами и средствами ВС. Единственная мера, предполагавшая частичное усиление военно-морского присутствия Дании в арктическом регионе — периодическое развёртывание в летний период в водах Гренландии одного из трёх не имеющих ледовых укреплений фрегатов «Ивер Хютфельдт»¹⁵. В декабре 2016 г. эти предложения были одобрены в специальном межпартийном соглашении о задачах обороны в Арктике¹⁶.

Подготовка более широкого межпартийного соглашения на 2018–2023 гг. потребовала больше времени. Его согласование завершилось в январе 2018 г.¹⁷ Соглашением предусматривается увеличение оборонных расходов на 20% в течение шести лет — с 1,2 до 1,3% валового внутреннего продукта страны. Дополнительные средства предназначены главным образом для обеспечения участия Дании в ротации сил НАТО, размещённых с 2017 г. в странах Балтии и Польше; формирования батальона лёгкой пехоты в качестве вклада страны в созданную в альянсе в 2015 г. объединённую оперативную группу повышенной готовности; формирования новой бригады для участия в более крупных оборонительных операциях НАТО. Приоритетными направлениями военного строительства становятся оснащение фрегатов средствами противолодочной обороны, модернизация средств противовоздушной обороны, а в перспективе — создание системы обороны территории Дании от баллистических ракет малой дальности. Подтверждены давние планы замены многоцелевых истребителей F-16 на современные F-35. Всё это должно обеспечить участие ВС Дании в деятельности НАТО не только на Балтике. Усиление противолодочной обороны — вклад страны в возрождение противолодочного рубежа Гренландия — Исландия — Великобритания, призванного обеспечить безопасность трансатлантических морских коммуникаций [27, Lorenz W., p. 1].

В 2018 г. было также принято решение об увеличении финансирования деятельности ВС в Арктике в дополнение к тому, которое было согласовано в конце 2016 г. Предполагается привлечение дополнительных средств, в частности, на рекультивацию территории бывших военных объектов США в Гренландии; закупку оборудования для предотвращения загрязнения морской среды; обучение населения действиям в условиях чрезвычайной ситуации; расширение ориентированных на службу в ВС Дании программ профессиональной ориентации в средних школах; картографические работы¹⁸. Последние изменения в строительстве вооружённых сил Дании отражают новую оценку меняющейся военно-политической обстановки на восточном фланге НАТО (на Балтике) и в Северной Атлантике, но никак не в Арктике. С учётом ограниченности ресурсов, эти изменения скорее исключают расширение военной деятельности страны в этом регионе.

¹⁵ Там же, pp. 17–18.

¹⁶ Agreement on the future missions of the Danish Ministry of Defence (MoD) in the Arctic, 8 December 2016. Copenhagen: Danish Foreign Ministry, 2016. URL: <http://www.fmn.dk/eng/allabout/Documents/Agreement-on-the-future-missions-and-tasks-in-the-Arctic.pdf> (дата обращения: 21.03.2018).

¹⁷ Defence Agreement 2018–2023. Copenhagen: Danish Ministry of Defence, 2018.

¹⁸ Defence Agreement 2018–2023, pp. 10–11.

Норвегия

В последние два десятилетия ВС Норвегии проходят плановую модернизацию. Страна имеет современные ВМС. В 2011 г. завершилась замена старых фрегатов пятью новыми класса «Фритьоф Нансен». Правда, норвежские военные корабли не имеют ледовых усилений, поскольку основные районы их оперативного развёртывания, если не считать дальние походы, находятся в незамерзающих акваториях Норвежского и Баренцева морей. В 2014 г. было принято решение о замене, начиная с середины следующего десятилетия, шести подводных лодок класса «Ула» постройки начала 1990-х гг. [14, Ознобищев С.К., с. 143; 7, Byers M., p. 250, 273; 6, Le Mière Ch., Mazo J., p. 88; 17, Wezeman S.T., pp. 7–8; 24, Wezeman S.T., pp. 12–13].

После реорганизации сухопутных сил Норвегии в 2009 г. их основу составляет механизированная бригада «Север», имеющая в своём составе два механизированных батальона (один из них размещён на севере страны, другой — на юге) и батальон лёгкой пехоты. Бригада выполняет в основном учебные задачи. Только батальон лёгкой пехоты находится в состоянии боевой готовности. В 2011 г. Генеральный штаб ВС страны рекомендовал сократить количество механизированных батальонов до одного, но годом позже было принято решение сохранить прежнюю структуру бригады¹⁹ [24, Wezeman S.T., pp. 12–13].

В 2015 г. началась плановая замена 60 истребителей F-16 на 52 современных F-35, рассчитанная на период до 2024 г. [7, Byers M., p. 250; 6, Le Mière Ch., Mazo J., p. 88; 17, Wezeman S.T., pp. 6–7; 24, Wezeman S.T., p. 11]. Основу авиапарка ВВС, который может быть использован в Арктике, составляют шесть противолодочных самолётов P-3 «Орион» постройки конца 1970-х гг. и 12 противолодочных вертолётов «Си Кинг». К 2024 г. планировалось заменить P-3 спутниковыми системами обнаружения подводных лодок, беспилотными летательными аппаратами и новыми противолодочными самолётами [24, Wezeman S.T., p. 11].

С началом украинского кризиса в Норвегии острее, чем в других арктических странах, реагировали на возможные изменения военно-политической обстановки в Арктике. Норвегия — единственная арктическая страна НАТО, имеющая сухопутную границу с Россией, хотя и не протяжённую. В Осло подчёркивают, что в настоящее время военная деятельность России в Арктике не направлена против Норвегии²⁰, но и не исключают возможность втягивания стран в конфликт с Россией в случае эскалации противостояния на Балтике²¹.

В связи с этим в последние годы в Норвегии обсуждались различные варианты строительства вооружённых сил на среднесрочную и долгосрочную перспективу. В 2015 г. Генеральный штаб страны обнародовал предложения по развитию ВС страны. Предпочтение он

¹⁹ Храмчихин А.А. Страна боевых ледоколов // Военно-промышленный курьер. 2016. № 31. URL: <http://vpk-news.ru/articles/31866> (дата обращения: 05.04.17).

²⁰ Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development, p. 18.

²¹ Norwegian Armed Forces in transition. Strategic defence review by the Norwegian Chief of Defence. Abridged version. [Oslo], Norwegian Armed Forces, 2015, p. 5.

отдавал варианту существенного наращивания их боевой мощи и укрепления обороны на севере страны. Предлагалось, в частности, нарастить возможности противолодочной обороны, в том числе путём закупки современных противолодочных самолётов; начиная с 2025 г. увеличить количество подводных лодок; повысить уровень боеготовности сухопутных сил, сосредоточить их на севере страны и сформировать вторую бригаду; приобрести новые вертолёты для армии и нарастить возможности для применения высокоточного оружия²².

В 2016 г. после острых дискуссий был утверждён новый долгосрочный план строительства вооружённых сил страны, в котором не были поддержаны амбициозные предложения Генерального штаба. Вместо увеличения подводного флота планом предусмотрена замена шести старых подводных лодок четырьмя новыми в конце следующего десятилетия. Вместо расширения парка противолодочных самолётов — замена старых Р-3 «Орион» по мере их вывода из боевого состава. Планом предусмотрены наращивание возможностей противовоздушной обороны, инвестиции в системы раннего предупреждения о нападении, формирование в составе сухопутных сил роты рейнджеров. Вопрос о формировании второй бригады сухопутных сил отправлен на дальнейшее изучение. Финансирование утверждённой программы должно быть обеспечено экономией ресурсов (предусмотрено закрытие 11 военных баз и объектов)²³, а также за счёт увеличения оборонного бюджета²⁴.

Долгосрочный план строительства вооружённых сил Норвегии 2016 г. не содержит положений, которые не были бы предусмотрены прежними программами замены исчерпывающих свой ресурс подводных лодок и противолодочных самолётов. В чём-то он даже скромнее прежних. В то же время правительство Норвегии сделало ставку, с одной стороны, на наращивание средств раннего предупреждения о возможном нападении, а с другой — на развитие инфраструктуры усиления для переброски в страну сил НАТО в угрожающий период²⁵. В ближайшие годы отработка навыков оперативного усиления будет в центре проводимых в стране военных учений. В то же время, понимая риски взаимной неверной интерпретации неплановой военной деятельности, Осло придаёт особое значение сохранению и поддержанию постоянной коммуникации между норвежским Генеральным штабом с одной стороны и командованием российского Северного флота и российского Генерального штаба — с другой, развитию сотрудничества с Россией в Арктике²⁶.

²² Norwegian Armed Forces in transition, p. 19.

²³ Capable and Sustainable. Long Term Defence Plan. [Oslo]: Norwegian Ministry of Defence, 2016, p. 12, 15.

²⁴ Norwegian Government Follows Up Long Term Defence Plan with Significant Budget Increase. Norwegian Government. Press release 6 2016. 11 October. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/norwegian-government-follows-up-long-term-defence-plan-with-significant-budget-increase/id2514775/> (дата обращения: 28.03.2018).

²⁵ Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development, p. 18.

²⁶ Там же, pp. 18, 21.

США

В США Арктика рассматривается как периферийный регион конвенциональной военной деятельности²⁷. Здесь нет американских военных баз, на которых на постоянной основе были бы развёрнуты нестратегические силы. Размещённые на Аляске в субарктических широтах силы входят в состав Тихоокеанского командования. Хотя многоцелевые атомные подводные лодки США регулярно патрулируют в арктических водах с баз на западном побережье страны, в боевом составе ВМС нет надводных кораблей с ледовыми усилениями и ледоколов, которые могли бы быть развёрнуты в морской Арктике²⁸.

В 2009 г. перед ВС США была поставлена задача изучить потребности своего присутствия в морской Арктике с учётом оценки военных угроз и последствий климатических изменений. В принятых в США в 2013–2014 гг. арктических стратегиях Министерства обороны и ВМС страны военные угрозы в регионе оценивались как относительно низкие²⁹. С учётом этой оценки проведённые ВМС исследования [10, Bowes M.D.] показали нецелесообразность размещения в регионе надводных сил ВМС, что потребовало бы значительных инвестиций в строительство специальных кораблей с ледовыми усилениями, ледоколов и береговой инфраструктуры и отвлекло бы ресурсы от более важных направлений военно-морской деятельности. Общий вывод заключался в том, что необходимый уровень присутствия в морской Арктике может быть обеспечен силами БОХР и не потребует дополнительного развёртывания сил и средств ВМС³⁰.

Это ещё одно свидетельство того, что арктическое направление важно для США лишь настолько, насколько оно имеет значение для решения более важных для Вашингтона задач поддержания стратегической стабильности в отношениях с Россией, нераспространения оружия массового уничтожения, пресечения международной террористической деятельности, а также для решения задач вооружённых сил США в Северо-Восточной Азии и Северной Атлантике, но не как самостоятельное направление нестратегической военной деятельности. Неудивительно, что нестратегические арктические программы США финансировались по «остаточному» принципу и что единственным результатом проведённой оценки стало принятое после многолетних обсуждений решение о строительстве для БОХР США нового ледо-

²⁷ Report to Congress on Arctic Operations and the Northwest Passage. Washington: Department of Defense, 2011, p. 12.

²⁸ Там же, p. 3, 15, 17.

²⁹ Arctic Strategy. Washington: U.S. Department of Defense, 2013, pp. 2, 4; The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 2030, p. 6.

³⁰ Report to Congress on Arctic Operations and the Northwest Passage, p. 3, 15, 22, 25, 27; The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 203, p. 4.

кола³¹, который в середине следующего десятилетия сменит работающий сегодня в Арктике ледокол «Хили»³².

На фоне украинского кризиса и обсуждения мер по «сдерживанию» России в США разгорелась дискуссия в том числе по вопросам арктической политики. Заметная роль в этой дискуссии принадлежит Конгрессу³³. В 2015 г. Конгресс отклонил предложение Министерства обороны сократить численность личного состава размещённой на Аляске воздушно-десантной бригады в четыре раза, потребовав сначала провести оценку сил и средств, необходимых для защиты интересов США в Арктике с учётом укрепления военных возможностей России в регионе [24, Wezeman S.T., p. 19].

В декабре 2016 г. Министерство обороны представило Конгрессу доклад с оценкой потребностей в обеспечении интересов национальной безопасности в Арктике³⁴. Хотя тональность доклада несколько изменилась, он не содержал принципиальных изменений в оценке потребностей ВС в регионе. Несмотря на необходимость инвестиций в береговую инфраструктуру (вопрос о строительстве в американской Арктике глубоководного порта обсуждается давно) и возможность в перспективе экспедиционной военно-морской деятельности (но не постоянного размещения сил ВМС в регионе), в докладе не раз повторяется тезис о том, что любые решения по военному строительству в Арктике должны приниматься с учётом ограниченных ресурсов, необходимых на других направлениях военно-морской деятельности. Дискуссии о расширении морского присутствия в Арктике, как правило, не идут дальше констатации необходимости строительства новых ледоколов для БОХР США [28, Arctic Imperatives, p. 4].

Отсутствие значимых конвенциональных военных угроз в Арктике всё же не отменяет некоторой озабоченности США, вызванной, прежде всего, опасностью оказаться втянутыми в конфликт с Россией в случае эскалации конфликта между Россией и Норвегией³⁵. Предметом же действительно серьёзного беспокойства является возможность противостояния с Россией в Северной Атлантике. Об этом говорят принятые решения о базировании противолодочных самолётов на базе в Кефлавике (Исландия), которой США не пользовались с 2006 г., и о модернизации взлётно-посадочной полосы на базе в Туле (Гренландия), на которой до настоящего времени оставался только радар американской системы предупреждения о ра-

³¹ 2015 Year in Review. Progress Report on the Implementation of the National Strategy for the Arctic Region Prepared by the Arctic Executive Steering Committee. Washington: White House, 2016, p. 8.

³² В составе БОХР США в настоящее время осталось два ледокола. Срок службы работающего в Арктике среднего ледокола «Хили» заканчивается в 2030 г. Прошедший в 2010–2013 г. модернизацию тяжёлый ледокол «Полярная звезда» работает исключительно в Антарктике. Его срок службы заканчивается в 2020 г.

³³ Grønning A.R. Updated US Arctic defense strategy addresses new security environment // High North News, 10 February 2017. URL: <http://www.highnorthnews.com/updated-us-arctic-defense-strategy-addresses-new-security-environment/> (дата обращения: 27.03.2018).

³⁴ Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region.

³⁵ Report on Arctic Policy, p. 25.

кетном нападении³⁶. Целесообразность этих решений обосновывается возобновлением походов российских подводных лодок в Северную Атлантику.

Доклад 2016 г. стал своего рода «промежуточным» документом. В нём не ставилась цель пересмотра арктических стратегий Министерства обороны и ВМС США 2013 и 2014 гг. Какие-либо решения относительно возможных изменений в стратегическом планировании в регионе будет принимать нынешняя администрация США. В её первых документах военного планирования арктическому региону, как и раньше, не уделяется внимание. Так, в утверждённой в 2017 г. стратегии национальной безопасности США Арктика упоминается всего один раз в самом общем контексте³⁷, а в принятой в 2018 г. национальной оборонной стратегии (аналог проводимого раз в четыре года обзора оборонной политики) не упоминается ни разу³⁸.

Заключение

Анализ решений, принятых прибрежными государствами в ходе последнего обзора их оборонной политики, позволяет с высокой степенью определённости сделать вывод о том, что **в краткосрочной перспективе военно-политическая обстановка в Арктике останется стабильной и предсказуемой**. Высказывавшиеся ранее спокойные оценки военных угроз в Арктике и констатация малой вероятности вооружённого конфликта не изменились. Несмотря на остроту дискуссии вокруг российского военного строительства в Арктике и призывы к ответным действиям, западные государства на данном этапе не драматизируют обстановку в регионе. В решениях 2015–2017 гг. они констатировали достаточность имеющихся у них сил и средств для реагирования на преимущественно невоенные угрозы для безопасности в регионе и не стали пересматривать принятые ранее планы военного строительства в сторону повышения.

Принятые же в последние годы решения в области военного строительства свидетельствуют о другом. *Основное внимание арктических стран-членов НАТО сосредоточено не столько на арктическом направлении, сколько на регионе Балтийского моря*. Об этом свидетельствует и обновлённая в 2015 г. военная доктрина не входящей в НАТО Швеции, которой предусмотрено постоянное военное присутствие на острове Готланд, занимающем стратегическое положение в Балтийском море³⁹.

Помимо выполнения принятых альянсом в 2014–2016 гг. решений об обеспечении безопасности его восточного фланга речь идёт также о *восстановлении противолодочного рубежа Гренландия — Исландия — Великобритания* в интересах обеспечения безопасности трансатлантических морских коммуникаций в условиях возобновившихся походов россий-

³⁶ Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region, p. 11.

³⁷ National Security Strategy of the United States of America. Washington: The White House, December 2017, p. 40.

³⁸ Summary of the National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington: Department of Defense, 2018.

³⁹ Sweden's Defence Policy 2016 to 2020. Stockholm: Swedish Government, 2015, pp. 2–4, 8–9.

ских подводных лодок в Северную Атлантику. Об этом свидетельствует и обсуждаемое сейчас восстановление Североатлантического командования НАТО, расформированного в 2002 г. [29, Regehr E.].

В краткосрочном плане эти решения не столько привлекают внимание к вопросам военного строительства в Арктике, сколько отвлекают его от региона. США и другие страны НАТО демонстративно проявляют здесь военную сдержанность. Но чем дольше затягивается современный кризис в отношениях России с Западом, тем больше вероятность того, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе военно-политическая обстановка в регионе может измениться в худшую сторону. В арктических странах НАТО сформировалась широкая оппозиция политике военной сдержанности в Арктике. Она существует и в американском Конгрессе, и в канадском Сенате [26, Regehr E., p. 2]. Решения же о сдерживании России на Балтике или о возрождении противолодочного рубежа в Северной Атлантике очень напоминают решения времён «холодной войны». Как, строго говоря, и принятые несколько лет назад решения о возобновлении патрулирования российских подводных лодок в Северной Атлантике. Судьба Арктики в годы «холодной войны» была незавидной. Даже если здесь в обозримой перспективе не начнётся гонка вооружений, регион вполне может опять оказаться закрытым для широкого международного сотрудничества.

Литература

1. Regehr E. Circumpolar military facilities of the Arctic Five — updated: September 2017. Vancouver: The Simons Foundation, 2017. 94 p.
2. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Военно-стратегическая деятельность России и США // Россия в полицентричном мире / Под ред. Дынкина А.А., Ивановой Н.И. М.: Весь мир, 2011. С. 473–480.
3. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Военно-стратегическая деятельность // Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации / Под ред. А.В. Загорского. М.: ИМЭМО РАН. Магистр, 2015. С. 163–177.
4. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 104 с.
5. Depledge D. Hard security developments // Arctic security matters / Ed. by Jokela J. Paris: EU ISS, 2015. P. 59–67.
6. Le Mière Ch., Mazo J. Arctic opening: insecurity and opportunity. Abingdon; New York: Routledge, 2013. 180 p.
7. Byers M. International Law and the Arctic. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 322 p.
8. Дынкин А.А. Международное сотрудничество в Арктике: риски и возможности // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 5–6. С. 404–411.
9. Храмчихин А.А. Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3 томах / Под ред. И.С. Иванова. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 327–343.
10. Bowes M.D. Impact of Climate Change on Naval Operations in the Arctic. CNA, Alexandria (VA): CAN, 2009. 48 p.
11. Christensen K.D. The Arctic. The Physical Environment. DRDC: Centre for Operational Research and Analysis (CORA), 2010. 128 p.
12. Храмчихин А.А. Влияние украинского кризиса на военно-политическую обстановку в Арктике // Северный морской путь: Развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: материалы конференции. Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2015. С. 96–98.

13. Загорский А.В. Международное сотрудничество в Арктике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 7. С. 104–112. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-7-104-112.
14. Ознобищев С.К. Нестратегическая военная деятельность // *Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации* / Под ред. А.В. Загорского. М.: Магистр, 2015. С. 139–150.
15. Haftendorn H. Wettrüsten im Ewigen Eis — Eine Gefahr für die internationale Stabilität? // *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. 2016. Vol. 9. № 1. S. 101–120.
16. Melvin N., Bergh K. Introduction / Ed. by Melvin N., Jakobson L. *The New Arctic Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–12.
17. Wezeman S.T. *Military capabilities in the Arctic*. Stockholm: SIPRI, 2012. 16 p.
18. Загорский А.В. Безопасность в Арктике // *Современная Европа*. 2017. № 4. С. 40–49.
19. Käpylä J., Mikkola H. On Arctic Exceptionalism. Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine. Helsinki: FIIA, 2015. 22 p.
20. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Ремилитаризация Арктики и безопасность России // *Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3 томах* / Под ред. И.С. Иванова. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 284–302.
21. Lackenbauer P.W., Dean R. *Canada's Northern Strategy under the Harper Conservatives: Key Speeches and Documents on Sovereignty, Security, and Governance, 2006-15*. Calgary: University of Calgary, 2016. 421 p.
22. Dean R., Lackenbauer P.W., Lajeunesse A. *Canadian Arctic Defence Policy. A Synthesis of Key Documents, 1970–2013*. Calgary: University of Calgary, 2014. 82 p.
23. Forget P. Bridging the Gap: The Limitations of Pre-AOPS Operations in Arctic Waters // *Canadian Naval Review*. 2012. Vol. 7. № 4. P. 6–20.
24. Wezeman S.T. *Military capabilities in the Arctic: A new cold war in the High North?* Stockholm: SIPRI, 2016. 24 p.
25. Regehr E. Replacing the North Warning System: Strategic competition or Arctic confidence building? // *Arctic Security Briefing Paper*. 2018. March 1. Vancouver: The Simons Foundation, 2018. 6 p.
26. Regehr E. Arctic Security and the Canadian Defence Policy Statement of 2017 // *Disarming Arctic Security*. 2017. August 31. Vancouver: The Simons Foundation, 2017. 11 p.
27. Lorenz W. Denmark Increases Its Contribution to the Deterrence of Russia // *PISM Bulletin*. 2018. № 25. 2 p.
28. *Arctic Imperatives: Reinforcing U.S. Strategy on America's Fourth Coast*. Washington: Council on Foreign Relations, 2017. 85 p.
29. Regehr E. Shielding the Arctic from NATO's return to Territorial Defence. *Arctic Security Briefing Paper*. 2017. December 6. Vancouver: The Simons Foundation, 2018. 8 p.

References

1. Regehr E. *Circumpolar military facilities of the Arctic Five — updated: September 2017*. Vancouver: The Simons Foundation, 2017, 94 p.
2. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. Voenno-strategicheskaya deyatel'nost' Rossii i SShA [Military-strategic activity of Russia and the USA]. *Rossiya v politsentrichnom mire* [Russia in a polycentric world]. Ed. by A.A. Duynkin, N.I. Ivanova. Moscow, Ves Mir Publ., 2011, pp. 473–480. (In Russ.)
3. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Voenno-strategicheskaya deyatel'nost' [Military-strategic activity]. *Mezhdunarodno-politicheskie usloviya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii* [International political conditions for the development of the Arctic zone of the Russian Federation]. Ed. by A.V. Zagorski. IMEMO RAN. M.: Magistr Publ., 2015, pp. 163–177. (In Russ.)
4. Zagorski A.V. *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Conventional security and cooperation in the Arctic]. Moscow, IMEMO Publ., 2016, 104 p. (In Russ.)
5. Depledge D. Hard security developments. *Arctic security matters*. Ed. by Jokela J. Paris: EU ISS Publ., 2015, pp. 59–67.
6. Le Mière Ch., Mazo J. *Arctic opening: insecurity and opportunity*. Abingdon; New York: Routledge Publ., 2013, 180 p.

7. Byers M. *International Law and the Arctic*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2013, 322 p.
8. Dynkin A.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike: riski i vozmozhnosti [International Cooperation in the Arctic: Risks and Opportunities]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2015, Vol. 85, no. 3, pp. 404–411.
9. Khranchikhin A.A. Voenno-politicheskaya situatsiya v Arktike i stsenarii vozmozhnykh konfliktov [Military-political situation in the Arctic and scenarios of possible conflicts]. *Arkticheskii region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Khrestomatiya v 3 tomakh* [Arctic region: Problems of international cooperation: Reader in 3 volumes]. Ed. by I.S. Ivanov. Vol. 1. M.: Aspekt Press Publ., 2013, pp. 327–343. (In Russ.)
10. Bowes M.D. *Impact of Climate Change on Naval Operations in the Arctic*. CNA, Alexandria (VA): CAN Publ., 2009, 48 p.
11. Christensen K.D. *The Arctic. The Physical Environment*. DRDC: Centre for Operational Research and Analysis (CORA) Publ., 2010, 128 p.
12. Khranchikhin A.A. Vliyanie ukrainskogo krizisa na voenno-politicheskuyu obstanovku v Arktike [The impact of the Ukrainian crisis on the military-political situation in the Arctic]. *Severnyy morskoy put': Razvitie arkticheskikh kommunikatsiy v global'noy ekonomike «Arktika-2015»: materialy konferentsii* [Northern Sea Route: Development of Arctic Communications in the Global Economy "Arctic-2015": conference materials]. Murmansk: Murmansk State Technical University Publ., 2015, pp. 96–98. (In Russ.)
13. Zagorskii A.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike [International Cooperation in the Arctic]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 7, pp. 104–112. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-7-104-112.
14. Oznobishchev S.K. Nestrategicheskaya voennaya deyatel'nost' [Non-strategic military activities]. *Mezhdunarodno-politicheskie usloviya razvitiya Arkticheskoy Zony Rossijskoj Federacii* [International political conditions for the development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. Ed. by Zagorskii A.V. Moscow: Magistr Publ., 2015, pp. 139–150. (In Russ.)
15. Haftendorn H. Wettrüsten im Ewigen Eis — Eine Gefahr für die internationale Stabilität? *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 101–120.
16. Melvin N., Bergh K. *Introduction*. Ed. by Melvin N., Jakobson L. *The New Arctic Governance*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2016, pp. 1–12.
17. Wezeman S.T. *Military capabilities in the Arctic*. Stockholm: SIPRI Publ., 2012, 16 p.
18. Zagorski A. Bezopasnost' v Arktike [Security in the Arctic]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2017, no. 4, pp. 40–49.
19. Käpylä J., Mikkola H. *On Arctic Exceptionalism. Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine*. Helsinki: FIIA, 2015, 22 p.
20. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Remilitarizatsiya Arktiki i bezopasnost' Rossii []. *Arkticheskii region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: khrestomatiya v 3 tomakh* [Arctic region: Problems of international cooperation: Reader in 3 volumes]. Ed. by I.S. Ivanov. Vol. 1. M.: Aspekt Press Publ., 2013, pp. 284–302. (In Russ.)
21. Lackenbauer P.W., Dean R. *Canada's Northern Strategy under the Harper Conservatives: Key Speeches and Documents on Sovereignty, Security, and Governance, 2006-15*. Calgary: University of Calgary Publ., 2016, 421 p.
22. Dean R., Lackenbauer P.W., Lajeunesse A. *Canadian Arctic Defence Policy. A Synthesis of Key Documents, 1970–2013*. Calgary: University of Calgary Publ., 2014, 82 p.
23. Forget P. Bridging the Gap: The Limitations of Pre-AOPS Operations in Arctic Waters. *Canadian Naval Review*, 2012, vol. 7, no. 4, pp. 6–20.
24. Wezeman S.T. *Military capabilities in the Arctic: A new cold war in the High North?* Stockholm: SIPRI Publ., 2016, 24 p.
25. Regehr E. Replacing the North Warning System: Strategic competition or Arctic confidence building? *Arctic Security Briefing Paper*, 2018, March 1. Vancouver: The Simons Foundation Publ., 2018, 6 p.
26. Regehr E. Arctic Security and the Canadian Defence Policy Statement of 2017. *Disarming Arctic Security Briefing Paper*, 2017, August 31. Vancouver: The Simons Foundation Publ., 2017, 11 p.

27. Lorenz W. Denmark Increases Its Contribution to the Deterrence of Russia. *PISM Bulletin*, 2018, no. 25, 2 p.
28. *Arctic Imperatives: Reinforcing U.S. Strategy on America's Fourth Coast*. Washington: Council on Foreign Relations Publ., 2017, 85 p.
29. Regehr E. *Shielding the Arctic from NATO's return to Territorial Defence*. *Arctic Security Briefing Paper*, 2017, December 6. Vancouver: The Simons Foundation Publ., 2018, 8 p.